

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о Бедр-Басиме и Джаухаре

Сказка о Бедр-Басиме и Джаухаре, ночи 738-747

Сказка о Бедр-Басиме и Джаухаре, ночи 748-756

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена и в минувшие века и годы в земле персов царь, которого звали Шахраман. И было его местопребывание в Хорасане. И имел он сто наложниц, но не досталось ему от них в течение всей его жизни ни мальчика, ни девочки, и вспомнил он об этом в один из дней и начал печалиться, так как прошла большая часть его жизни и не досталось ему ребенка мужского пола, который бы унаследовал после него царство, как он унаследовал его от своих отцов и дедов, и охватило царя из-за этого крайнее огорчение и забота и великая грусть. И когда он сидел в один день из дней, вдруг вошел к нему кто-то из его невольников и сказал: "О господин, у ворот купец с невольницей, лучше которой не видно". – "Ко мне купца и невольницу!" воскликнул царь. И купец с невольницей явились к нему, и когда царь взглянул на девушку, он увидел, что она походит на рудейнийское копье и закутана в шелковый изар, вышитый золотом. И купец открыл лицо девушки, и осветилось помещение от ее красоты, и с головы ее спустились семь кос, которые достигали ее ножных браслетов, подобные хвостам коней. И у нее были насурмленные глаза, тяжелые бедра и тонкий стан, и она исцеляла недуги больного и гасила огонь в жаждущем, как сказал поэт в стихах в этом смысле:

Люблю ее! Краса ее совершенна,

Вдобавок к ней – спокойствие и кротость.

Не коротка и не длинна, но только

Изар ее для бедер слишком тесен.

А стан ее – и узок и широк он,

Ни длинный, ни короткий – безупречен,

Браслеты ног коса опережает,

Но лик ее всегда, как день, сияет.

И подивился царь виду девушки и ее прелести, и красоте, и стройности ее стана, и спросил купца: "О шейх, за сколько эта невольница?" И купец ответил: "О господин, я купил ее за две тысячи динаров у купца, который владел ею прежде меня, и вот уже три года с нею путешествую и истратил, пока не достиг этого места, три тысячи динаров. Она будет подарком тебе от меня". И царь пожаловал ему роскошную одежду и велел ему дать десять тысяч динаров, и купец взял их и поцеловал руки царя и поблагодарил его за его милость и благодеяние и ушел. А царь отдал невольницу горничным и сказал: "Приведите эту девушку в порядок и украсьте ее. Уберите для нее комнату и отведите ее туда". И велел своим придворным принести ей все, что было нужно. А царство, в котором он жил, находилось на берегу моря, и назывался его город Белым городом. И девушку отвели в ее комнату, и были в этой комнате окна, выходившие на море..."

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала семьсот тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь взял невольницу, он отдал ее горничным и сказал: "Приведите ее в порядок и отведите ее в комнату", и велел своим придворным запереть в комнате все двери после того, как девушке принесут все, что ей нужно. И девушку отвели в комнату (а в этой комнате были окна, выходившие на море), а потом царь вошел к девушке, но она не заговорила с ним и не подумала о нем, и царь сказал: "Похоже, что она была у людей, которые не научили ее хорошему обхождению".

И потом царь посмотрел на эту невольницу и увидел, что она на редкость красива, прелестна, стройна и соразмерна, а лицо ее подобно кругу луны в день полноты или незакрытому солнцу на чистом небе, и подивился ее красоте и прелести, стройности и соразмерности, и прославил Аллаха-создателя – велико могущество его! А потом царь подошел к невольнице и сел с нею рядом и прижал ее к своей груди. Он посадил ее себе на ногу и начал сосать влагу ее уст и нашел ее слаще меда, а потом он велел подать столы с роскошнейшими яствами, состоявшими из всевозможных блюд, и стал царь есть и клал куски в рог невольнице, пока она не насытилась, и девушка не произнесла ни одного слова. И начал царь с ней разговаривать и спрашивать, как ее зовут, но девушка молчала, не произнося ни одного слова и не давая ему ответа, и все время сидела, опустив голову к земле, и охраняла ее от гнева царя ее избыточная красота и прелесть и изнеженность, присущая ей. И царь воскликнул в душе: "Хвала Аллаху, создателю этой девушки! Как она прекрасна! Правда, она ничего не говорит, но совершенство присуще Аллаху великому".

И потом царь спросил невольниц, говорила ли что-нибудь девушка, и они сказали: "С минуты ее прибытия и до сего времени она не произнесла ни одного слова, и мы не слышали от нее речей". И царь позвал некоторых невольниц и наложниц и велел им петь девушке и веселиться с нею – быть может, она заговорит. И невольницы и наложницы играли перед ней на всяких инструментах и в разные игры, и по-иному, и пели, так что взволновались все, кто был в помещении, но девушка смотрела на них молча, не смеялась и не говорила. И стеснилась грудь у царя, и он отпустил невольниц и остался наедине с той девушкой и снял с себя одежду и обнажил девушку от одежды своей рукой и, посмотрев на ее тело, увидел, что оно подобно слитку серебра, и полюбил ее великой любовью. И потом царь встал и уничтожил ее девственность и увидел, что она невинная девушка, и обрадовался сильной радостью и воскликнул про себя: "О диво Аллаха! Как это девушку, прекрасную стройностью и видом, оставили купцы невинной, как она была!"

И он склонился к ней совсем и не смотрел на других и оставил всех своих наложниц и любимиц, и он провел с девушкой целый год точно один день, а она все не говорила. И сказал ей царь в один день из дней (а увеличилась его страсть и любовь к ней): "О желание души, моя любовь к тебе велика, и я покинул из-за тебя всех моих невольниц, наложниц, жен и любимиц и сделал тебя моей долей в жизни. Я был терпелив с тобою целый год, и я прошу от милости Аллаха великого, чтобы он смягчил ко мне твое сердце и ты бы заговорила со мной, а если ты немая – осведоми меня знаком, чтобы я пресек надежду, что ты заговоришь. Я прошу Аллаха – хвала ему! – чтобы он наделил меня от тебя ребенком мужского пола, который бы наследовал мое царство после меня – я один и одинок, и нет у меня никого, кто бы мне наследовал, и года мои стали велики. Заклинаю тебя Аллахом, – если ты меня любишь, дай мне ответ".

И девушка опустила голову к земле, размышляя, а потом подняла голову и улыбнулась в лицо царю (и показалось царю, что молния наполнила комнату) и сказала: "О доблестный царь и неустрашимый лев, внял Аллах твоей молитве, и я ношу от тебя, и наступило время разрешения, но я не знаю, мужской ли плод, или женский. И если бы я не понесла от тебя, я бы не сказала тебе ни единого слова". И когда услышал царь слова девушки, его лицо просияло от радости и счастья, и он стал целовать ей голову и руки от сильной радости и воскликнул: "Слава Аллаху, который послал мне то, чего я желал: во-первых, ты заговорила, а во-вторых, сказала, что носишь от меня!" И затем царь поднялся и вышел от девушки и сел на престол своего царства, охваченный великим весельем, и велел везирю выдать беднякам, нищим, вдовам и другим сто тысяч динаров в благодарность Аллаху великому и как милостыню от него. И везирь сделал то, что приказал ему царь, а потом, после этого, царь вошел к девушке и сидел у нее, держа ее в объятиях и прижимая ее к груди, и говорил ей: "О госпожа

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

моя и владычица моего рабства, почему это молчание? Ты у меня уже целый год, ночью и днем, и лежишь и ходишь, а заговорила со мною за этот год только в сегодняшний день. Какова же причина твоего молчания?"

И сказала невольница: "Слушай, о царь времени, и узнай, что я – бедная чужеземка с разбитым сердцем и покинула мать и родных и брата".

И когда услышал царь ее слова, он понял, что она хотела сказать, и молвил: "Что до твоего слова: "Бедная", – то нет таким речам места, ибо вся моя власть и достояние и то, что я имею, – служат тебе, и я тоже сделался твоим невольником; что же касается твоих слов: "Я покинул мою мать, родных и брата", – то осведоми меня, в каком они месте, и я пошлю за ними и приведу их к тебе". – "Знай, о счастливый царь, – сказала девушка, – что меня зовут Джулланар–морская, и мой отец был из царей моря, и он умер и оставил нам царство. И мы жили в нем, и вдруг двинулся на пас царь из царей и отнял у нас царство. А у меня есть брат по имени Салих, и мать моя из женщин моря, и мы поспорили с братом, и я дала клятву, что выброшусь к человеку из людей суши. И я вышла из моря и села на краю острова, при свете луны, и проходил мимо меня человек, и он взял меня и увел в свое жилище и стал меня соблазнять. И я ударила его по голове, так что он едва не умер, и он вышел со мною и продал меня человеку, у которого ты меня взял, а это человек отличный и праведный, верующий, честный и благородный. И если бы твое сердце не полюбило меня, и ты бы не поставил меня впереди всех твоих наложниц, я бы не пробыла у тебя и одного часа и бросилась бы в море из этого окна и пошла бы к моей матери и родным. Но мне было стыдно пойти к ним, когда я ношу от тебя, и они подумали бы про меня дурное и не поверили бы мне, хотя бы я поклялась, если бы я рассказала им, что меня купил царь на деньги и сделал своим удалом в жизни и избрал меня вместо своих жен и всего того, чем владеет его десница. И вот моя повесть, и конец..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джулланар–морская, когда царь Шахраман стал ее расспрашивать, рассказала ему свою историю, с начала до конца, и царь, услышав ее слова, поблагодарил ее и поцеловал между глаз и сказал ей: "Клянусь Аллахом, о госпожа моя и свет моего глаза, я не могу расстаться с тобой ни на один час, а если ты со мной расстанешься, я сейчас же умру. Как же быть?" – "О господин, – отвечала невольница, приблизилось мое время родить, и мои близкие обязательно должны явиться, чтобы ходить за мной, так как женщины суши не знают, как происходят роды у женщин моря, а женщины моря не знают, как происходят роды у женщин суши. И когда мои родные явятся, я помирюсь с ними, и они помирятся со мной". – "А как они ходят в море и не мокнут?" – спросил царь. И Джулланар сказала: "Мы ходим в море, как вы ходите по земле, по благодати имен, написанных на перстне Сулеймана, сына Дауда – мир с ними обоими! Но только, о царь, когда придут мои родные и братья, я скажу им, что ты меня купил деньгами и оказал мне милость и благодеяние, и тебе надлежит подтвердить им мои слова, чтобы они своими глазами увидели, каковы твои обстоятельства, и узнали, что ты царь, сын царя". – "О госпожа, – воскликнул тут царь, – делай, что тебе вздумается и будет любезно – я послушен тебе во всем, что ты делаешь". – "Знай, о царь времени, – сказала невольница, – что мы ходим в море с открытыми глазами и видим то, что там есть, и видим солнце, месяц, звезды и небо, как будто вес это на лице земли, и это нам не вредит. И узнай также, что в море много племен и разнообразные виды всяких тварей, которые есть на суше, а также узнай, что все, что есть на земле, в сравнении с тем, что есть в море, – очень мало".

И удивился царь ее словам, а затем невольница вынула у себя из плеча два куска камарского алоэ и, взяв часть его, зажгла жаровню с огнем и бросила на нее эту частицу и засвистела великим свистом и начала говорить слова, которых не понимает никто, и поднялся из рукава ее великий дым, а царь смотрел. И потом она сказала царю: "О владыка, встань, спрячься в каком–нибудь месте, и я покажу тебе моего брата и мать и близких, так что они тебя не увидят. Я хочу их вызвать, и ты сейчас увидишь на этом месте диво и удивишься, какие создал Аллах великий разнообразные обличия и необычайные образы".

И царь поднялся в тот же час и минуту и вошел в одно помещение и стал смотреть, что Джулланар будет делать. А она зажигала куренья и колдовала, пока море не вспенилось и не взволновалось. И вышел оттуда юноша прекрасной внешности, красивый видом, подобный луне в ее полноте – с блестящим лбом, румяными щеками и устами, как жемчуг и яхонты, и он был больше всех тварей похож на свою сестру, и язык обстоятельств говорил о нем такие стихи:

Луна бывает полной каждый месяц раз,

А краса твоя – та бывает полной во всякий день.

Луна нисходит в сердце лишь одной звезды [602],

А себе жилище в сердцах найдешь ты у всех людей.

А затем вышла из моря поседевшая старуха, с которой было пять девушек, подобных лунам, которые имели сходство с девушкой по имени Джулланар, и царь увидел, что юноша, старуха и девушки идут по водной поверхности и дошли до Джулланар. И когда они приблизились к окошку и Джулланар увидела их, она поднялась и встретила их, радостная и счастливая, и, увидав ее, они ее узнали и вошли к ней и обняли ее и заплакали сильным плачем, а потом спросили ее: "О Джулланар, как ты могла нас оставить на четыре года, и мы не знали, где ты? Клянемся Аллахом, мир стеснился над нами от горести разлуки с тобой, я мы ни одного дня не наслаждались ни едой, ни питьем и плакали ночью и днем от великой тоски по тебе".

И потом Джулланар стала целовать руку юноши, своего брата, а также руки своей матери и двоюродных сестер, и они посидели с ней немного, расспрашивая ее, как она доживает, что с ней случилось и каково ей теперь, и Джулланар сказала им: "Знайте, что, когда я оставила вас и вышла из моря, я села на краю острова и взял меня один человек и продал купцу, а купец привел меня в этот город и продал царю за десять тысяч динаров. И царь стал заботиться обо мне и оставил из–за меня всех своих наложниц, ясен и любимиц и, занявшись мной, забыл обо всем, что у него было и что было в его городе".

И, услышав слова Джулланар, ее брат воскликнул: "Слава Аллаху, который свел нас с тобою, но я хочу, о сестрица, чтобы ты поднялась и пошла с нами в нашу страну, к нашим близким". И когда царь услышал слова брата девушки, его ум улетел от страха, что Джулланар согласится со словами своего брата, и он не сможет ей помешать, хотя он охвачен любовью к ней, и он был растерян и очень боялся, что расстанется с девушкой.

Но Джулланар, услышав слова своего брата, отвечала: "Клянусь Аллахом, о брат мой, человек, который меня купил, – царь этого города, и это великий царь и человек разумный, великодушный и превосходный и до крайности щедрый. Он оказал мне уважение и обладает благородством и большими деньгами, и нет у него ребенка – ни мальчика, ни девочки. Он был ко мне добр и оказал мне всякое благо. И со дня, когда я к нему пришла, до сего времени я не слышала от него дурного слова, которое бы огорчило мое сердце. И он всегда со мной ласков и ничего не делает, не посоветовавшись со мной, и я у него в прекраснейшем положении и в полнейшем довольстве, и к тому же, если я его покину, он погибнет, – он ведь совсем не может со мной расстаться, ни на одну минуту. А я, если расстанусь с ним, тоже умру от сильной любви к нему, так как он был со мной до крайности милостив во время моей жизни у него, и если бы был жив мой отец, моя жизнь у него не была бы подобна жизни у этого великого царя, значительного саном. Вы видите, что я ношу от него, и слава Аллаху, который сделал меня дочерью паря моря, а моим мужем – величайшего царя земли. Не воспрепятствовал мне Аллах великий и воздал мне взамен благом. У царя нет ребенка, ни мальчика, ни девочки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок первая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала семьсот сорок первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джулланар–морская рассказала брагу всю свою историю и сказала: "Аллах великий не воспрепятствовал мне и воздал мне взамен благом. У царя нет ребенка, ни мальчика, ни девочки, и я прошу Аллаха великого, чтобы он наделил меня сыном, который бы унаследовал от этого великого царя то, чем наделил его Аллах великий из строений, владений и дворцов".

И когда услышали слова Джулланар ее брат и двоюродные сестры, их глаза прохладились от таких речей, и они сказали: "О Джулланар, тебе известно твое место у нас, ты знаешь нашу любовь к тебе и уверена, что ты нам дороже всех людей, и убеждена, что мы хотим для тебя счастья, без затруднений и тягот. Если ты несчастлива, пойдем с нами в нашу страну, к близким, а если ты здесь счастлива и живешь в величии и радости, то именно этого мы жаждем и желаем, и мы хотим только твоего счастья при всех обстоятельствах". – "Клянусь Аллахом, – отвечала Джулланар, – я живу в полном счастье, наслаждении, величии и довольстве".

И когда царь услышал от нее эти слова, он обрадовался, и сердце его успокоилось, и он поблагодарил Джулланар за это и полюбил ее еще сильнее, и любовь к ней вошла в глубину его сердца, и он понял, что она так же его любит, как он любит ее, и хочет у него жить, чтобы увидеть его ребенка.

А затем девушка по имени Джулланар–морская приказала своим невольницам подать столы и яства из всевозможных блюд (а Джулланар сама готовила кушанья на кухне), и невольницы принесли кушанья, сладости и плоды, и она поела со своими родными, а потом они сказали: "О Джулланар, твой господин – человек нам чужой, и мы вошли к нему в дом без его позволения, и он не знает нас, а ты восхваляешь нам его милости и к тому же принесла нам его пищи, и мы поели и не встретились с ним и не видали его, и он нас не видел и не пришел к нам и не поел с нами, чтобы были между нами хлеб и соль".

И они все перестали есть и рассердились на Джулланар, и огонь стал выходить из их ртов, точно факел, и когда царь увидал это, ум его улетел от сильного страха перед ними. А Джулланар подошла к ним и успокоила их сердца, и затем она вошла в то помещение, где был царь, ее господин, и сказала ему: "О господин, видел ли ты и слышал ли, как я тебя благодарила и прославляла моим родным, и слышал ли ты, как они мне сказали, что хотят взять меня с собой к нашим близким, в нашу страну?" – "Я слышал и видел, – да воздаст тебе Аллах за нас благом! И клянусь Аллахом, я узнал, какова твоя любовь ко мне лишь в эту благословенную минуту и не сомневаюсь, что ты меня любишь", – ответил царь. И Джулланар сказала: "О господин, разве воздают за благо чем–нибудь, кроме блага? Ты был ко мне милостив и оказал мне великие благодеяния, и я вижу, что ты любишь меня величайшей любовью и сделал мне всякое добро, избрав меня среди всех, кого ты любишь и желаешь. Как же может быть приятно моему сердцу расстаться с тобой и уйти от тебя, и как это случится, когда ты ко мне добр и милостив? Я хочу от твоей милости, чтобы ты пришел и поздоровался с моими родными и увидел бы их, и они бы тебя увидели, и возникли бы между вами приязнь и дружба. И знай, о царь времени, что мой брат и мать и двоюродные сестры полюбили тебя великой любовью, когда я тебя перед ними восхваляла, и сказали: "Мы не уйдем от тебя в нашу страну, пока не встретимся с царем и не пожелаем ему мира". И они хотят тебя увидеть и подружиться с тобой".

И царь отвечал: "Слушаю и повинуюсь! Таково и мое желание".

И потом он поднялся с места и подошел к ним и приветствовал их наилучшим приветом. И родные Джулланар поспешили встать перед ним и встретили его наилучшим образом, и царь посидел с ними во дворце и поел с ними. И они оставались с ним в течение тридцати дней, а после этого захотели отправиться в свою страну и в свои жилища и попрощались с царем и с царицею Джулланарморскою и ушли от них, после того как царь оказал им крайний почет.

Затем Джулланар завершила дни ношения, и пришло время родов, и она родила мальчика, подобного луне в ее полноте, и царя охватила из–за этого великая радость, так как ему в жизни не досталось ни сына, ни дочери, и устраивали торжества и украшали город в течение семи дней, будучи в величайшей радости и восторге. А на седьмой день явилась мать царицы Джулланар и ее брат и все ее двоюродные сестры, когда узнали, что Джулланар родила..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок вторая ночь

Когда же настала семьсот сорок вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джулланар родила и ее родные пришли к ней, царь встретил их и обрадовался их приходу и сказал им: "Я говорил: "Не назову своего сына, пока вы не приедете и не назовете его, как знаете". И назвали ребенка Бедр–Басим [603], и все сошлись на этом имени. А потом они показали мальчика его дяде Салиху, и тот взял его на руки и поднялся и стал ходить с ним по дворцу, а потом вышел из дворца и спустился с ребенком к соленому морю и шел, пока не скрылся из глаз царя. И когда увидел царь, что Салих взял его ребенка и исчез в пучине моря, он потерял надежду его увидеть и начал плакать и рыдать. И, увидев его в таком состоянии, Джулланар сказала: "О царь времени, не бойся и не печалься о твоём сыне. Я люблю моего ребенка больше, чем ты, и мое дитя с моим братом. Не думай о море, и не бойся, что он утонет. Если бы мой брат знал, что маленькому будет вред, он бы не сделал того, что сделал. И он сейчас принесет тебе твоего сына невредимым, если захочет Аллах". И прошло не более часа, и вдруг море забилося и взволновалось и вышел оттуда дядя младенца и с ним сын царя, невредимый, и полетел от моря и достиг их. А маленький был у него на руках, и он молчал, и походило его лицо на луну в день ее полноты. И дядя младенца посмотрел на царя и сказал ему: "Может быть, ты испугался вреда для твоего сына, когда я сошел в море, и он был со мной?" И царь ответил: "Да, о господин, я испугался за него и совсем не думал, что он спасется". – "О царь земли, – ответил Салих, – мы насурьмили его сурьмой, которую знаем, и прочитали над ним имена, написанные на перстне Сулеймана, сына Дауда – мир с ними обоими! – когда у нас рождается новорожденный, мы делаем с ним так, как я тебе сказал. Не бойся же, что он утонет или задохнется, и не опасайся для него никаких морей, когда он в них опустится, – как вы ходите по суше, так мы ходим по морю".

И затем он вынул из–за пазухи ларчик, исписанный и запечатанный, и сломал печать и рассыпал то, что было в ларце, и посыпались оттуда ожерелья, нанизанные из всевозможных яхонтов и жемчужин, и триста изумрудных прутьев и триста ниток крупных жемчужин, величиной с яйцо страуса, сияние которых ярче сияния солнца и луны, и сказал: "О царь времени, эти жемчужины и яхонты – подарок тебе от меня, так как мы не принесли еще тебе никакого подарка – мы ведь не знали, в каком месте Джулланар, не видали ее следов и не имели о ней вестей. А когда мы увидели, что ты сблизился с ней, и мы стали одной семьей, мы принесли тебе этот подарок. Через каждые несколько дней мы будем приносить тебе такой же, если захочет великий Аллах, так как этих жемчужин и яхонтов у нас больше, чем на земле камешков. И мы различаем хорошие камни и скверные и знаем все к ним дороги и места, и нам нетрудно добывать их".

И когда царь посмотрел на эти камни и яхонты, его ум был ошеломлен, и смутился его разум, и он воскликнул: "Клянусь Аллахом, один камешек из этих камешков равняется по цене моему царству!" И царь поблагодарил Салиха морского за его милость и посмотрел на царицу Джулланар и сказал ей: "Мне стыдно перед твоим братом, – он оказал мне милость и одарил меня этим роскошным подарком, который не в силах собрать жители земли".

И Джулланар поблагодарила своего брата за то, что он сделал, и ее брат сказал: "О царь времени, мы уже были обязаны тебе, и должно нам благодарить тебя, так как ты был милостив к моей сестре, и мы вошли в твое жилище и поели твоей пищи, а поэт сказал:

И если б заплакать мог я раньше ее в любви,

Душа исцелилась бы моя до раскаянья,

Но раньше заплакала она, и поднялся плач

От плача, и я сказал: "Заслуга у первого!"

И если бы, – говорил Салих, – мы тысячу лет простояли на наших лицах, служа тебе, о царь времени, мы не могли бы воздать тебе равным,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и этого было бы по отношению к тебе мало". И царь поблагодарил его красноречивой благодарностью, и Салих со своей матерью и двоюродными сестрами оставался у царя сорок дней, а потом Салих, брат Джулланар, поднялся и поцеловал землю меж рук царя, мужа своей сестры, и когда тот спросил его: "Чего ты хочешь, о Салих?" – Салих сказал: "О царь времени, ты оказал нам благодеяния, и я хочу от твоей близости, чтобы ты подал нам милостыню и дал нам разрешение уйти – мы стосковались по нашим родным, нашей стране и близким и родине, и мы не перестанем служить тебе и нашей сестре и сыну нашей сестры. Клянусь Аллахом, о царь времени, не люблю моему сердцу с вами расстаться, но что же нам делать, когда мы воспитаны в море и не хороша для нас земля?"

И когда услышал царь его слова, он поднялся на ноги и попрощался с Салихом–мороким и его матерью и двоюродными его сестрами, и все заплакали из–за разлуки и затем сказали царю: "Скоро мы будем у вас и никогда не порвем с вами, и через каждые несколько дней мы будем вас навещать". И потом они полетели и направились к морю и погрузились в него, скрывшись из глаз..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок третья ночь

Когда же настала семьсот сорок третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда близкие Джулланар–морской попрощались с царем и Джулланар, они заплакали из–за разлуки с ними, а потом полетели и опустились в море и скрылись из глаз, и царь оказал Джулланар милости и величайшее уважение. И мальчик рос прекрасно, и его дядя, и бабка, и тетка, и двоюродные сестры его матери через каждые несколько дней приходили в жилище царя и оставались у него месяц или два месяца, а потом возвращались к себе, и увеличивалась с увеличением лет красота и прелесть юноши, пока не стало ему пятнадцать лет жизни, и был он единственным по совершенству, стройности и соразмерности. И он научился письму и чтению, преданиям и грамматике, и лексике, и метанию стрел, и научился играть копьем и научился верховой езде и всему, что нужно царским детям, и не осталось никого из жителей города, мужчин или женщин, кто бы не говорил о прелестях этого ребенка, так как он был на редкость красив и прелестен, и заключалось его описание в словах поэта:

Написал пушок темной амброу на жемчужине

Пару тонких строк, как на яблоке агатом:

"Убивают нас зрачки темные, лишь взглянут на нас,

Опьяняют нас щеки нежные без вина".

А вот еще слова другого:

Вот пушок явился на коже нежной щеки его,

Точно вышивка, на ней осталось смущение.

И казалось мне, что светильник он, подвешенный

Под тьмой волос на двух цепях из амбры.

И любил его царь великой любовью, и вызвал он везиря, эмиров, вельмож правления и знатных людей царства и заставил их дать верные клятвы, что они поставят Бедр–Басима царем над собой после его отца, и все поклялись ему верными клятвами и обрадовались этому. А царь был милостив к народу и мягок в речах, он был средоточием добра и говорил лишь о том, в чем для людей благо. И на следующий день царь сел на коня, с вельможами правления и всеми эмирами, и все воины пошли по городу и вернулись, и когда они приблизились ко дворцу, царь спешился, чтобы служить своему сыну, и вместе со всеми эмирами и вельможами правления понес перед ним чепрак, так что каждый из эмиров и вельмож правления нес чепрак некоторое время. И они шли до тех пор, пока не дошли до входа во дворец, и царевич ехал на коне, а затем он спешился, и его отец и эмиры обняли его и посадили на престол царства, и отец его, как и все эмиры, стоял перед ним. И Бедр–Басим стал творить суд между людьми и отставлял обидчика и назначал справедливого, и он продолжал творить суд, пока не приблизился полдень, а потом он поднялся с престола царства и вошел к своей матери Джулланар–морской, и был у него на голове венец, и походил он на луну. И когда мать увидала своего сына, перед которым шел царь, она поднялась и поцеловала его и поздравила со званием султана и пожелала ему и его отцу долгой жизни и победы над врагами. И Бедр–Басим посидел у своей матери и отдохнул.

А когда наступило время предвечерней молитвы, эмиры поехали перед мальчиком, и он приехал на ристалище и играл оружием до времени вечерней молитвы со своим отцом и вельможами правления, а потом он вернулся во дворец, и все люди шли перед ним. И он стал каждый день выезжать на ристалище, а по возвращении садился судить людей и оказывал справедливость и эмиру и бедняку. И он делал так в течение целого года, а после этого стал выезжать на охоту и ловлю и кружил по странам и климатам, которые были ему подвластны, возвещая о безопасности и спокойствии, и поступал так, как поступают цари. И был он единственным среди людей своего времени по величию, доблести и справедливости в делах людей.

И случилось, что царь, родитель Бедр–Басима, заболел в один из дней, и затрепетало его сердце, и почувствовал он, что перейдет в обитель вечности, и усилилась его болезнь, так что он стал близок к смерти. И тогда призвал он своего сына и наказал ему заботиться о подданных и поручил ему его мать и всех вельмож правления и приближенных и взял с них второй раз обеты и клятвы, что они будут слушаться его сына, и заручился от них клятвами" и после этого он прожил немного дней и преставился к милости Аллаха великого. И стали горевать о нем его сын Бедр–Басим, и жена его Джулланар, и эмиры, и везири" и вельможи правления, и сделали ему могилу и похоронили его в ней. А потом она просидела, принимая соболезнования, целый месяц, и пришел Салих, брат Джулланар, и ее мать и двоюродные сестры, и стали они ее утешать в утрате царя и сказали: "О Джулланар, если царь умер, то он оставил этого доблестного юношу, а кто оставил подобного ему, тот не умер. Вот он, этот бесподобный, равный сокрушающему льву..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок четвертая ночь

Когда же настала семьсот сорок четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что брат Джулланар Салих, ее мать и двоюродные ее сестры говорили ей: "Царь умер, но он оставил этого бесподобного юношу, равного сокрушающему льву и блестящему месяцу".

А потом вельможи правления и знатные люди вошли к царю Бедр–Басиму и сказали ему: "О царь, не беда погоревать о царе, но горевать подобает только женщинам. Не занимай же своего сердца и наших сердец печалью о твоём родителе – он умер и оставил тебя, а кто оставил подобного тебе, тот не умер".

И они стали его уговаривать и утешать, а потом сводили в баню. И когда Бедр–Басим вышел из бани, он надел роскошную одежду, вышитую золотом и украшенную драгоценностями и яхонтами, и возложил на голову царский венец и сел на престол власти и исполнил дела людей и воздал справедливость слабому против сильного и взял должное для бедняка от эмира. И полюбили его люди сильной любовью, и продолжал он так поступать в течение целого года. И через всякий небольшой срок его посещали морские его родственники, и приятна стала его жизнь, и глаз его прохладился.

И так он провел долгое время, и случилось, что его дядя вошел в одну ночь из ночей к Джулланар и поздоровался с нею. Джулланар

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

поднялась и обняла его и посадила рядом с собой и спросила: "О брат мой, как ты поживаешь и как поживает моя матушка и дочери моего дяди?" И Салих ответил: "О сестрица, они здоровы и живут во благе и великом счастье, и недостает им только взгляда на твое лицо". И потом Джулланар подала Салиху угощение, и он поел, и завязалась между ними беседа, и они заговорили о царе Бедр–Басиме и его красоте, и прелести, и стройности, и соразмерности, и доблести, и уме, и образованности. А царь Бедр–Басим лежал, и когда он услышал, что его мать и дядя упоминают о нем и разговаривают про него, он сделал вид, что спит, и стал слушать их разговор. И сказал Салих своей сестре Джулланар: "Твой сын прожил семнадцать лет и не женился. Мы боимся, что случится с ним что–нибудь и не будет у него сына, и я хочу женить его на какой–нибудь из морских царевен, такой же, как он, красивой и прелестной". – "Назови мне их – я их знаю", – сказала Джулланар. И Салих принялся пересчитывать ей царевен, одну за другой, а она говорила: "Не хочу этой для моего сына, и я женю его только на той, что будет ему равна по красоте и прелести, уму и вере, образованию и благородству, и власти, и роду, и племени".

И сказал Салих: "Я не знаю больше ни одной морской царевны. Я перечислил тебе больше ста девушек, и ни одна из них тебе не понравилась. Но посмотри, о сестрица, спит твой сын или нет". И Джулланар потрогала Бедр–Басима и увидела на нем признаки сна и сказала: "Он спит. Но что ты хочешь сказать и зачем тебе нужно, чтобы он спал?" – "О сестрица, – ответил Салих, – знай, что я вспомнил одну девушку из дочерей моря, которая годится для твоего сына, и боюсь, что, если я заговорю о ней, когда он не будет спать, любовь к ней привяжется к его сердцу, а нам, может быть, нельзя будет ее достигнуть, и утомимся и он, и мы, и вельможи правления, и будет в этом для нас забота. А поэт сказал:

Любовь вначале, когда возникнет поток слюны,

А как власть возьмет, превращается в море бурное".

И, услышав слова Салиха, его сестра молвила: "Скажи мне, что это за девушка и как ее имя, – я знаю дочерей моря от царей и других, и если я увижу, что она для него годится, я посватаюсь к ней, даже если истрачу на нее все, чем владеют мои руки. Расскажи же мне о ней и ничего не бойся – мой сын спит". – "Я боюсь, что он бодрствует, – ответил Салих. Ведь сказал же поэт:

Его полюбил, узнав о качествах я его,

Ведь ухо влюбляется порой раньше ока".

"Говори и будь краток и не бойся, о брат мой", – сказала Джулланар. И Салих молвил: "Клянусь Аллахом, о сестрица, не подходит для твоего сына никто, кроме царевны Джаухары, дочери царя ас–Самандаля. Она подобна ему по красоте, прелести, блеску и совершенству, и не найти ни в море, ни на суше никого мягче ее и нежнее чертами. Она красива, прелестна, стройна и соразмерна, и у нее румяные щеки, блестящий лоб, и уста, подобные жемчугам, и темные очи, и тяжелые бедра, и тонкий стан, и прекрасное лицо. Если она взглянет, то смутит серн и газелей, и когда она идет, ревнует к ней ветвь ивы, а открывая лицо, она позорит солнце и луну и берет в плен всякого смотрящего, и уста ее нежны, и члены ев гибки".

И Джулланар, услышав слова своего брата, сказала: "Ты прав, о брат мой! Я видела ее много раз, и она была моей подругой, когда мы были маленькие, а сегодня мы не знаем одна другую по причине отдаления, и вот уже восемнадцать лет, как я ее не видела. Клянусь Аллахом, никто не годится для моего сына, кроме нее!"

И когда Бедр–Басим услышал их слова и понял с начала до конца то, о чем они говорили, описывая девушку, о которой упомянул Салих, то есть Джаухару, дочь царя ас–Самандаля, он полюбил ее со слов и прикинулся спящим, и возникло из–за нее в его сердце пламя огня, и он погрузился в море, где не достигнуть ни берега, ни дна..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок пятая ночь

Когда же настала семьсот сорок пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь Бедр–Басим услышал слова своего дяди Салиха и своей матери Джулланар, оказанные при описании дочери царя ас–Самандаля, в его сердце возникло из–за нее пламя огня, и он погрузился в море, где не достигнуть ни берега, ни дна. А Салих посмотрел на свою сестру Джулланар и сказал: "Клянусь Аллахом, сестрица, нет среди царей моря никого глупее и яростнее, чем ее отец! Не осведомляй же своего сына об этой девушке, пока мы не посватаемся к ней у ее отца, и если он пожалует нам согласие, мы восхвалим Аллаха великого, а если он нас отвергнет и не выдаст ее замуж за твоего сына, мы избавимся от его зла и посватаемся к другой".

И, услышав слова своего брата, Джулланар сказала: "Прекрасное мнение, которое ты принял". И потом они замолчали и проспали эту ночь, а у царя Бедр–Басима было в сердце огненное пламя из–за любви к царевне Джаухаре, но он скрыл свое дело и не сказал матери и дяде ничего о царевне, хотя был из–за любви к ней точно на сковородках с углем. А утром царь и его дядя пошли в баню и вымылись, а выйдя, напились питья, и перед ними поставили кушанья. И царь Бедр–Басим с матерью и дядей слоя, пока не насытились, а потом она вымыли руки, и после этого Салих поднялся на ноги и сказал царю Бедр–Басиму и его матери Джулланар: "С вашего разрешения, я намерен отправиться к родительнице. Я у вас уже несколько дней, и сердце родных беспокоятся обо мне, и они меня ожидают". – "Посиди у нас сегодня", – сказал царь Бедр–Басим своему дяде Салиху, и тот послушался его слов, а затем Бедр–Басим сказал: "Пойдем, о дядюшка, выйдем в сад".

И они пошли в сад и стали там ходить и гулять, и царь Бедр–Басим сел под тенистое дерево и хотел отдохнуть и поспать, и вспомнил он о том, что говорил его дядя Салих, описывая девушку и ее красоту и прелесть, и заплакал обильными слезами и произнес такие два стиха:

"Когда бы сказали мне (а пламя огня бы жгло,

И в сердце и теле всем огонь бы и жар пылал):

"Что хочешь и жаждешь ты: увидеть возлюбленных

Иль выпить глоток воды?" В ответ я сказал бы: "Их!"

А потом он принялся жаловаться, стонать и плакать и произнес такие два стиха:

"Кто заступник от страсти к девушке–лани,

Чей лик солнце – о нет, скажу – она лучше!

Мое сердце не знало к ней прежде страсти,

И любовью к царевне вод загорелось".

И когда дядя его Салих услышал слова юноши, он ударил рукою об руку и воскликнул: "Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" И потом он спросил: "Разве ты слышал, о дитя мое, что мы говорили с твоей матерью о царевне Джаухаре и какие мы приписывали ей качества?" – "Да, о дядюшка, и я полюбил ее со слов, когда услышал то, что говорили, и мое сердце к ней привязалось, и не могу я вытерпеть без нее", – ответил Бедр–Басим. И Салих сказал: "О царь, давай вернемся к твоей матери и осведомим ее о том, что случилось, и я попрошу у нее разрешения взять тебя с собой и посвататься к царевне Джаухаре, а потом мы простимся с ней и вернемся. Я боюсь, что, если я возьму тебя и пойду без ее позволения, твоя мать на меня рассердится и будет

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

иметь право, так как я окажусь виновником вашей разлуки и ее ухода от нас. И город останется без царя, и не будет у подданных никого, кто бы ими управлял и рассматривал их обстоятельства. И расстроятся дела в царстве, и выйдет власть из твоих рук".

И Бедр–Басим, услышав слова своего дяди Салиха, сказал ему: "Знай, о дядюшка, что, если я вернусь к моей матери и посоветуюсь с ней об этом, она мне этого не позволит. Я не вернусь к ней и не посоветуюсь с ней никогда!" И он заплакал перед своим дядей и сказал: "Я пойду с тобой, не осведомляя ее, а потом вернусь".

И Салих, услышав слова своего племянника, растерялся и воскликнул: "Прошу помощи у великого Аллаха при всех обстоятельствах!" И когда дядя Бедр–Басима, Салих, увидел своего племянника в таком состоянии и понял, что он не хочет вернуться к своей матери и уведомить ее, а пойдет с ним, он снял с пальца перстень, на котором были вырезаны имена из имен великого Аллаха, и подал его царю Бедр–Басиму и сказал: "Надень его себя на палец: ты будешь в безопасности от потопления и прочих бед и от зла морских животных и рыб". И царь БедрБасим взял перстень у своего дяди Салиха и надел его на палец. И потом они нырнули в море..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок шестая ночь

Когда же настала семьсот сорок шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь Бедр–Басим и его дядя Салих нырнули в море, они пошли, и шли до тех пор, пока не пришли ко дворцу Салиха. И они вошли туда, и увидела Бедр–Басима его бабушка, мать его матери, которая сидела со своими близкими, и, войдя, царевич с Салихом поцеловали им руки. Бабка Бедр–Басима, увидав их, встала и обняла юношу и поцеловала его между глаз и сказала: "Благословенный приход, о дитя мое! Как ты оставил твою мать Джулланар?" – "Здоровой, во благе и благополучии, и она желает мира тебе и своим двоюродным сестрам", – сказал Бедр–Басим.

И после этого Салих рассказал своей матери, что произошло между ним и его сестрой Джулланар и как царь Бодр–Басим полюбил со слов царевну Джаухару, дочь царя ас–Самандала, и сообщил ей всю историю с начала до конца.

"Он пришел лишь для того, чтобы посвататься к ней у ее отца и жениться на ней", – сказал Салих. И когда бабка царя Бедр–Басима услышала слова Салиха, она разгневалась на него сильным гневом и встревожилась и огорчилась и воскликнула: "О дитя мое, ты ошибся, упомянув о царевне Джаухаре, дочери царя ас–Самандала перед твоим племянником. Ты ведь знаешь, что царь ас–Самандаль – глупец и притеснитель, малоумный и сильно яростный и он скупится на свою дочь Джаухару перед ее женихами. Все цари моря сватались к ней, но он отказался и не согласился ни за кого из них отдать, напротив, отверг их и сказал: "Не ровня вы ей ни по красоте, ни по прелести, ни по чему другому". И мы боимся, что, если посватаемся к ней у ее отца, он нас отвергнет, как отверг других, а мы обладаем благородством и вернемся с разбитыми сердцами".

И, услышав слова своей матери, Салих спросил ее: "О матушка, как же быть? Ведь царь Бедр–Басим полюбил эту девушку, когда я говорил о ней с моей сестрой Джулланар, и он сказал: "Мы обязательно посватаемся к ней у ее отца, хотя бы я отдал все мое царство", – и утверждает, что если он на ней не женится, то умрет от страсти и любви к ней".

И потом Салих сказал своей матери: "Знай, что мой племянник – красивей и прекрасней ее и что его отец был царем всей Персии, а теперь он сам царь, и не годится Джаухара никому, кроме него. Я решил взять драгоценных камней – яхонтов и других – и поднести царю подарок, подобающий ему, и посвататься у него к царевне, и если он укажет, что он царь, то Бедр–Басим – тоже царь, сын царя; если же он нам укажет на красоту своей дочери, то Бедр–Басим красивей ее, а если он нам укажет на обширность царства, то у Бедр–Басима царство обширней, чем у нее и у ее отца, и у него больше войск и телохранителей. Его царство больше царства ее отца, и я непременно постараюсь исполнить желание моего племянника, хотя бы моя душа пропала. Я ведь был причиной этого дела, и так же, как я бросил его в моря любви к ней, я постараюсь его женить на ней. Аллах великий поможет мне в этом". – "Делай что хочешь, – сказала ему мать, – и берегись быть грубым в словах, когда будешь говорить с царем. Ты же знаешь его глупость и ярость, л я боюсь, что он бросится на тебя, так как он не признает ничего сана". И Салих отвечал: "Внимание и повиновение!" А затем он поднялся и, взяв с собой два мешка, наполненные драгоценностями: яхонтами, изумрудными прутьями, дорогими металлами и всякими камнями, дал их нести своим слугам и пошел с ними и со своим племянником во дворец царя ас–Самандала. Он попросил позволения войти, и царь позволил ему, и Салих, войдя, поцеловал землю меж его рук и приветствовал его наилучшим приветом. И, увидав Салиха, царь ас–Самандаль поднялся и оказал ему величайшее уважение и велел ему сесть, и Салих сел, и когда он уселся, царь сказал ему: "Благословенный приход! Ты заставил нас тосковать, о Салих! Какая у тебя нужда, что ты пришел к нам? Расскажи мне о твоей нужде, чтобы я ее исполнял".

И Салих поднялся и поцеловал землю второй раз и сказал: "О царь времени, нужда моя – в Аллахе и в доблестном царе, льве неустрашимом, о ком прекрасную молву развозят едущие, и распространилась в климатах и странах весть о его щедрости, милости, прощении, извинении и благосклонности".

И потом он развязал мешки и, вынув из них камни и прочее, рассыпал их перед царем ас–Самандалем и сказал ему: "О царь времени, быть может, ты примешь мой подарок и окажешь мне милость и залечишь мое сердце, приняв это от меня..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала семьсот сорок седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Салих предложил подарок царю ас–Самандалю и сказал ему: "Я желаю от царя, чтобы он оказал мне милость и залечил мое сердце, приняв это от меня". И царь ас–Самандаль спросил его: "Почему ты даришь мне этот подарок? Расскажи мне твою историю и поведай о своей нужде, и если я властен ее исполнить, я исполню ее сию же минуту и не заставлю тебя трудиться, а если я бессилен исполнить ее, то Аллах возлагает на душу только то, что ей вмочь".

И Салих поднялся и поцеловал землю трижды и сказал: "О царь времени, нужду мою ты исполнять можешь, она под твоей властью, и ты ею владеешь. Я не возложу на царя трудности, и я не бесноватый, чтобы говорить с царем о том, чего он не может. Ведь сказал кто–то из мудрецов: "Если хочешь, чтобы тебя слушались, проси о том, что возможно". Что же касается моей нужды, о которой я пришел просить, то царь, да хранит его Аллах, на нее властен". – "Проси о твоей нужде, изложи твое дело и требуй то, чего хочешь", – сказал царь. И Салих молвил: "О царь времени, знай, что я пришел к тебе как сват и желаю единственной жемчужины и драгоценности, скрываемой – царевны Джаухары, дочери нашего владыки. Не обмани же, о царь, надежды того, кто к тебе направился". И когда услышал царь слова Салиха, он так засмеялся, что упал навзничь, издеваясь над ним, и воскликнул: "О Салих, я считал тебя человеком разумным и юношей достойным, который старается только со смыслом и говорит лишь здоровое. Что же поразило твой разум и призвало тебя на это великое дело и значительную опасность; и ты сватаешься к дочерям царей, властителей стран и климатов? Разве дошел твой сан до этой высокой ступени и разве уменьшился твой ум до такого предела, что ты говоришь мне в лицо подобные слова?"

"Да направит Аллах царя! – воскликнул Салих. – Я сватаюсь к ней не для себя, а если бы я сватал ее для себя, я был бы ей ровнею – нет, больше ее, так как ты знаешь, что мой отец – царь из царей моря, хотя ты сегодня и наш царь. Но я сватаюсь к ней лишь для царя Бедр–Басима, властителя климатов Персии, и его отец – царь Шахраман, ярость которого ты знаешь. И если ты утверждаешь, что ты великий царь, то царь Бедр–Басим еще больший царь, а если ты заявляешь, что твоя дочь красива, то царь Бедр–Басим красивей ее и прекрасней лицом и достойней по роду и племени, ибо он витязь людей своих времен. И если ты согласишься на то, о чем я тебя просил, о царь времени, ты положишь вещь на ее место, а если ты станешь над нами величаться, то будешь к нам несправедлив и не пойдешь с нами по пути правому. Ты ведь знаешь, о царь, что царевне Джаухаре, дочери нашего владыки, царя, не избежать брака, и говорит мудрец: "Не избежать девушке брака или могилы". И если ты намерен выдать ее замуж, то сын моей сестры более достоин ее, чем все люди".

И когда услышал царь слова царя Салиха, он разгневался сильным гневом, и его ум едва не пропал, и душа его чуть не вышла у него из

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

тела, и он воскликнул: "О пес среди мужчин, разве подобный тебе обращается ко мне с такими словами! Ты упоминаешь о моей дочери в собраниях и говоришь, что сын твоей сестры Джулланар ей ровня, а кто ты сам такой и кто твоя сестра, кто ее сын и кто его отец, что ты говоришь мне такие слова и обращаешься ко мне с такими речами? Разве вы в сравнении с нею не псы?" И затем он закричал своим слугам и сказал им: "Эй, слуги, возьмите голову этого бродяги!"

И слуги схватили мечи и обнажили их и направились к Салиху, а тот повернулся, убегая, и направился к воротам дворца. А дойдя до ворот дворца, он увидел своих родичей, и близких, и дружинников, и слуг, которых было больше тысячи витязей, утопавших в железе и закованных в кольчуги, и были у них в руках копьа и белые клинки.

И когда они увидели Салиха в таком состоянии, они спросили его: "Что случилось?" И он рассказал им свою историю. А его мать послала этих людей ему на помощь, и, услышав слова Салиха, они поняли, что царь глуп и сильно яростен, и сошли с коней и, обнажив мечи, вошли к царю ас–Самандалю.

И они увидели, что он сидит на престоле своего царства, не замечая входящих, и сильно разгневан на Салиха, и увидели, что его слуги, прислужники и телохранители не вооружены, и когда царь увидел людей Салиха с обнаженными мечами в руках, он закричал своим людям и сказал им: "Горе вам! Возьмите головы этих псов!" И не прошло минуты, как побежали люди царя ас–Самандаля и положились на бегство, а Салих и его близкие схватили царя ас–Самандаля и скрутили его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.